

А. Глебов «Рукавица»

В ноябре деревню сковал мороз. Замёрзли пруды, и выпал снег. На деревьях кое-где трепетали на холоде не успевшие облететь сухие листья.

День выдался ясный. Катя вышла на крыльцо и зажмурилась: было больно смотреть на искрящийся снег и на яркое, но уже остывшее солнце.

Мимо по дороге пробежал с санками Серёжка Чистов.

— Айда на горку! — крикнул Серёжка. — Прокатиться дам!

— У меня и свои санки есть, — тихо ответила Катя и пошла в сени за лопатой, чтобы убрать снег с крыльца.

Убирая снег, Катя вспомнила, как прошлой зимой они с мамой ездили в лес за хворостом и встретили там охотника из соседней деревни. Охотник помог им набрать хвороста, а когда приехали домой, Катя залезла отогреться на печку и сочинила стишок:

Раз мы с мамой в лес пошли,

Встретили мы деда.

До поляны добрали.

Началась беседа.

Дед — охотник, он с ружьём...

В елях вьюга злится,

А у деда в бороде

Иней серебрится.

Дальше она не могла придумать, но мама сказала, что стихи очень хорошие, не хуже, чем настоящие. Потом Катя сочинила ещё два стихотворения про зиму, но те были плохие, и она их позабыла.

Послышался скрип саней. Катя посмотрела на дорогу. Колокольчик, самый старый конь в колхозе, еле тащил большущий воз берёзовых дров. Рядом, дёргая вожжами и стегая лошадь кнутом, шёл дядя Ефим. Каждую зиму он заготавливал дрова для клуба и школы и, чтобы делать поменьше ездов в лес, нагружал такие вот большие возы. Почти у самого крыльца Колокольчик остановился. Ефим заругался, дёрнул несколько раз вожжами, но конь стоял как вкопанный. Тогда Ефим начал хлестать его кнутом ещё сильнее. Катя видела, как дрожала от ударов потная спина Колокольчика, как подогнулись от напряжения и усталости его передние ноги и как с добрых мясистых губ лошади хлопьями падала на снег тёплая пена. Ей стало жалко Колокольчика. Соскочив с крыльца, она подбежала к саням и начала толкать их вперёд, чтобы помочь стронуться с места.

— Пустое дело, — сказал Ефим.

Он взял с воза большую хворостину, замахнулся и ударил лошадь. Катя закрыла лицо руками. А когда Ефим замахнулся ещё раз, она закричала:

— Не смейте, дядя Ефим! Больно же ему! Вы что, фашист, что ли?

— Что?! — оторопел Ефим и выронил хворостину. — Ты что сказала, паршивка?! — Он шагнул к Кате и схватил её за руку. — Повтори мне, что ты сказала?

— Не смейте бить лошадь, — спокойно ответила Катя и смело посмотрела в злые Ефимовы глаза.

— Ну, подожди... — угрожающе пообещал он, выпуская Катину руку. — Я на тебя управу найду... К матери тебя не поведу... В школу пожалуюсь — пусть разберутся: можно ли партизана, медаль имеющего, такими словами обзывать?

Он поднял с земли хворостину и, замахав ею над головой Колокольчика, закричал:

— Но! Но, пошёл! Но!

Отдохнувший Колокольчик напрягся, рванул раз, другой, и сани, жалобно заскрипев полозьями, медленно тронулись дальше.

Оставшись одна, Катя долго стояла на дороге. Потом увидела оброненную Ефимом рукавицу, подняла её и медленно пошла к дому.

Разгрузив дрова у клуба, Ефим подошёл к лошади, ослабил чересседельник и закурил. Цigarка согревала озябшую руку. Струйка синеватого махорочного дыма уплывала вверх, явственно выделяясь на фоне белого, пахнущего свежестью снега.

«Ишь ты, жалельщица нашлась», — крепко затягиваясь, сердито думал о Кате Ефим. Время было обеденное, и он решил ехать домой, чтобы похлебать горячих щей, напоить Колокольчика.

«Жалельщица выискалась, — вертелось у него в голове, когда он порожняком ехал по деревне, но большой злобы на Катю у него уже не было. — Животину пожалела... А того не понимает, глупая, что человека обидела... Каким словом обозвала! Повезу вечером дрова в школу — пожалуй, — вновь распался он. — Самой директорше доложу, Наталье... как её... Ильиничне...»

На повороте к мосту Колокольчик, поняв, что хозяин едет не в лес, а домой, заторопился и затрусил мелкой неспорой рысцой.

Он знал, что у Ефимовой избы, почти на самом краю деревни, стоит короб со свежим душистым клевером.

«И что тут худого, — думал Ефим, — если животину раз-другой вдарил для порядка». И он вспомнил своего деда, который, бывало, не давал спуску их норовистому гнедому коню, когда тот лодырничал и не хотел тащить плуг. И несмотря на это, и дед, и отец, и все в семье любили гнедого, считая его кормильцем.

«Да разве я враг Колокольчику, — вернувшись в настоящее, подумал Ефим. — Хоть он и старый конь, а работающий, справная животина... А насчёт хворостины, тут, может, того, перебрал малость». Ефима качнуло вперёд, и сани остановились. Неуправляемый вожжами, Колокольчик сам подъехал к дому, к большому коробу с клевером, не успевшему ещё потерять запах лета и солнца.

— Ты что хмурая такая, дочка? — спросила мать, когда Катя вошла в избу. — Пошла бы на санках покаталась.

— Не хочется.

Катя положила подобранную рукавицу на край печки, разделась и, подойдя к окну, посмотрела на свежий, ещё не укатанный санный след, уходивший далеко к самому лесу.

«Я тоже не права... — думала она. — Можно ли партизана, медаль имеющего, таким словом обзывать?» — всё ещё слышался ей басовитый, с хрипотцой голос дяди Ефима. И она вспомнила, как однажды колхозный конюх, старик Бодров, рассказывал:

«Ефим-то Зуйков, он в войну с покойным дедом своим, царствие ему небесное, красноармейцев от немцев прятал. Шесть человек раненых в старом овине в подлазе укрывали... Ему тогда и пятнадцати годов не было, а он уже лекариковал... Достал у кого-то книжку, где про разные перевязки да переломы написано, и по ней действовал... К овину-то, из-за осторожности, с силками подходил, будто птиц ловит, — рассказывал конюх, — а сам к раненым... Он и вправду, шельмец, ловко птиц ловил, — восхищался старик. — Поймает, бывало, синицу и сейчас её немцам. Они ему за это хлеб, а то и консервы давали... И бегать где хочешь разрешали. Гуляй, мол, лови птичек... А он опять к раненым...»

Мимо окна по дороге, съёжившись, пробежал Серёжка Чистов. «Замёрз, наверное...», — подумала Катя и, вспомнив про Ефимову рукавицу, спросила:

— Мам, а у нас большая иголка есть?

На горку Катя пришла под вечер. Низкое солнце отражалось в окнах домов ярким пламенеющим светом. Казалось, будто хозяйки начистили до блеска самовары и выставили их на подоконники. Покрасоваться.

Ребят на горке было мало, остались самые непослушные — Пашка Сидоркин, Володька Калачёв и рыжий Сёма, который катался не на санках, а на круглой ледянке, устроенной из старого сита. Он то и дело просил Володьку сделать «волчка». И Катя видела, как Володя, прежде чем толкнуть Сёму вниз, резко крутил его вместе с ледянкой.

— Ура! — кричал Сёма, вихрем слетая с горки. Володьку и Пашку турнули домой, и на горке остались Катя и Сёма.

— Хочешь на ледянке прокатиться? — предложил Сёма. — Иди садись... Держись только крепче... Вот так, — объяснил Сёма, придерживая ледянку, чтобы она не скатилась раньше.

Катя уселась, и он толкнул её с горки.

— Ну как, здорово? — спросил Сёма, когда сам на Катиных санках съехал вниз.

— Хорошо! — улыбнулась Катя. — Даже дух захватывает!

— Сам сделал ледянку! — похвастался Сёма. — Ни у кого такой нет.

На горку они поднимались вместе. Солнце уже заходило за зубчатые верхушки тёмного леса.

Дорога, на которую всё время поглядывала Катя, покрылась длинными лиловыми тенями.

— Я побегу, — вдруг сказала Катя, увидав, как от леса отделилась подвода. — Мне домой пора...

— Завтра опять приходи! — закричал ей вслед Сёма. — Ещё прокатиться дам!

Прибежав домой, Катя взяла с печки рукавицу и, выйдя на крыльцо, стала ждать. А когда послышался скрип саней и Катя увидела, как Колокольчик и дядя Ефим показались из сумерек, у неё застучало сердце.

— Тпру! — остановил у крыльца лошадь Ефим и как ни в чем не бывало осведомился: — Катька, ты мою рукавицу не находила?

— Нашла, дядя Ефим, — радостно ответила Катя и сбежала с крыльца. — Возьмите, вот она...

Ефим надел рукавицу, и заиндевшие брови его поползли вверх от удивления:

— Никак залатала?! — почти восторженно спросил он. — Ну и ну... Да ты и впрямь жалельщица... Молодчина!

Он легонько хлестнул Колокольчика вожжой, тот напрягся и с первого рывка стронул воз с места.